

Композиция «Причащение апостолов» Феофана Грека в контексте рассмотренных примеров устройства образности алтарных апсид.

Рассмотренные нами варианты устройства композиции Причащения апостолов в общей структуре устройства пространственного образа храма по его восточной оси, являются возможными, но ни в коем случае не обязательными при формировании образного пространства. Варианты художественного устройства и Богословского насыщения целостного храмового образа от купола к горнему месту литургического алтаря, следуя общей традиции, никак не ограничены каноном в индивидуальных особенностях и в «личных» нюансах Богословского осознания и художественного исполнения. В близлежащих и в современных друг-другу храмах могут быть встречены нами совершенно разнообразные, совсем не вписывающиеся в приведённые примеры варианты устройства образного пространства, окружающего, содержащего непреходящую и неизменную литургию. В силу различия индивидуального авторского осмысления и творческого Богословского выражения структуры и состав основных композиций и значительнейших особенностей в них могут быть существенно отличны от рассмотренных нами... Вот, к слову, повторим уже сказанное прежде: вблизи Феофановой росписи в храме на Ильинской – современная ему церковь Феодора Стратилата на ручью. В конхе апсиды Феодоровского храма – также изображена Божия Матерь, а ниже – совсем отличные от череды рассмотренных композиций – евангельские сюжеты Страстного цикла. Рассмотренными примерами устройства композиций собора «Высоких Дечан» мы убеждаемся в традиционной допустимости и принятости подобной трактовки образной структуры в апсиде церкви Фёдора Стратилата. Впрочем, это совсем уж выходит за рамки предпринимаемого нами уяснения структуры и смыслов живописи Феофана Грека.

В нашем очерке мы не станем помышлять даже о самой возможности рассмотрения всех возможных вариантов устройства композиций в апсидах, концептуально отличных от того, что мы видим в системе росписи Феофана, которая в данном разделе очерка является некоей доминантой в наших суждениях. Но, кратко исследовав различные варианты иконографических примеров, мы надеемся более полно выявить для себя значимость образного пространства, созданного Феофаном Греком. Вкратце ещё раз обратимся к его варианту композиции Причащения апостолов, изображённому в храме Преображения на Ильине. Фигуры в этой композиции, отнесённой ко второму снизу ярусу живописи апсиды, значительно меньше естественных размеров человеческого роста, - к естественному размеру приближены фигуры нижнего яруса живописи - в композиции «Службы святых отцов». Образы апостолов почти реалистичны, характеры индивидуально выражены, композиция несёт в себе внятный внутренний драматизм и смысловую сюжетную наполненность... и, вместе с тем, апостолы объединены, со-общены в предстоянии причастию. Замечательная находка мастера в размещении композиции внутри пространства световых окон, в изложенной Феофаном трактовке живописного устройства алтарной апсиды не встречена нами более нигде... Быть может, в поисках подобного примера предпринят нами этот получившийся достаточно пространственным изыскательский экскурс в область иных живописных программ... Пожалуй, из рассмотренных нами примеров лишь в композиции Причащения апостолов Киевской Софии, внешний свет столь эффектно уловлен и логически вмещён в содержание композиционного устройства образа «Причащения апостолов», когда престол Небесной литургии – парит над светом, созиждется светом, а причащающий Спаситель как бы исступает ко причащению над

световым окном. В иных вариантах – изводах этой монументальной композиции естественный свет либо не используется столь эффективно, либо составляет несколько внешний по отношению к образу символический атрибут, либо вмещён в композицию с несолько отличными смысловыми оттенками - указывает направление движения в причащении, сопровождает, высвечивает причастие, выявляет небесное таинство в земной евхаристии, отделяя ангельский сонм от сослужения Христу... но свет, как образ - не выявляет само существо невыразимого, неизобразимого – таинства, как это дивно выражено Феофаном. Оставим за собой право и достоверность этого суждения, ни в коем случае не претендуя на его научную выверенность, вполне понимая его условность и обусловленность личным видением и вкусом. Свет в композиции Феофана – есть собственно предел неизобразимости, посредствующая грань выразимого и невыразимого, тончайший проводник меж видимым и Тем, что пребывает за гранью видимости... становящейся воспринимаемой. Столь насыщен... превышеестественен... символ света в композиции мастера Феофана - свет предложен как символ к выявлению собственно таинства существа Святого Причастия. Видим и понимаем так.

Извод образа «Причащения апостолов», созданный Феофаном Греком, пожалуй, не имеет аналогов столь интенсивного сочетания композиции с образом светового окна. Быть может, здесь мы имеем дело с плодом некоего индивидуального творческого озарения мастера Феофана в столь глубоком проникновении и усвоении светоносного символа, принятия светового архитектурного зерна внутрь живописной композиции. Образ Иуды – включён в сонм причащающихся учеников... - лишь слегка преклонена к земле опечаленная его голова, - увенчанная нимбом. И в этой печали – Иуда притекает ко причащению Христа, к принятию Святых Даров, приникает к свету, готов принять, вместить свет внутрь своего естества... внутрь своей печали... к осуждению своему.

Просмотрев отобранные нами варианты изображения Причащения апостолов, мы предполагаем, что и в композиции Феофана Грека также были включены образы ангелов, сослужащих Христу в евхаристии. И вот что представляется особенно важным: приближенность и открытость образа евхаристии созерцающему, предстоящему человеку. Образ евхаристии не отнесён к нижнему ярусу изображений, но открывается взору во свете сразу же при открытии Царских врат, открывается вместе с образами святых отцов, предстоящих Пантократору за престолом литургии. Чрезвычайно убедительно прочитывается образ существа Святых Таин в соединении с образом Спасителя в нише за литургическим престолом, на горнем месте. Ангелы – обрамляют, «фланкируют» трон – догадываемся о том в живописных утратах... Ангелы с рипидами – сопровождают Небесное служение Христа в Причащении апостолов... также домысливаем себе утраченное изображение. Ангельские образы – распространяя – низводят образ Небесной литургии в непосредственную приближенность к литургии земной. Ангелы – у престола горнего места. Ангелы литургии Небесной – в Причащении апостолов. И земная литургия, сопровождаемая образом, - зримо совершается уже ли не на небе... и небесное – явленно наглядным, впечатляющим образом, сопричастует земле. Небесные силы соучаствуют в земной литургии. Земные апостолы – часть чина предстоящих Христу и молящихся людей, - облечены святостью, даже и в замышляемом грехе, во грехе первородном, во грехе мысленном, принятом, как помысел, - не отвержены от Христа и от причащения Святых Его Таин. Не удалено земное от небес, Небесная литургия неотделима от таинства, совершающегося на земле. «Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине» (Пс. 144:18)... «Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренных духом

спасет» (Пс. 33:18). Не удалён Пантократор на дно опрокинутой Чаши купола, но предъявлен нам и в Причащении апостолов, и в торжествующем образе на горнем месте... - предъявлен прообразовательно и в образе сослужащего с нами, литургисающего иерея - образного Христа, пред-стоящего Богу Отцу. Образно живой Бог в иерее – включён в наше личностное херувимское предстояние.

В контексте высказанного сейчас сколь значимым представляется тот факт, что в нижнем ярусе за престолом литургии Феофаном Греком изображён именно Пантократор, но не Агнец, не Жертва. По сути, нижний композиционный ярус не есть поклонение Закланному, но образ Христа торжествующего, являющего Себя посреди нас... образ Христа, ощутимого нами. Там, где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди вас - *есть*... И священническое приветствие: «Христос между нами», - сколь уместно теперь вспомнить о нём. «Христос между нами» в образном изводе Феофана Грека - не есть символ прообразующий Жертву, не Богомладенец на жертвенном престоле - Мелисмос, столь обычный и часто встречающийся в примерах образного устройства алтарных апсид. Но Сам торжествующий Бог – Средоточие и Объект предстояния чинопоследования святителей. Повторимся ещё раз: в рассматриваемой нами компоновке нижнего живописного яруса мы видим достаточно редкое, своеобразное новаторство автора Феофана, пример изменения местоположения чина Деисиса, когда Пантократор является средоточием и центром молитвенного предстояния. Здесь деисис не вознесён, не отдалён от нас, но низведён и переосмыслен в нижнем композиционном ярусе вокруг престола литургии в неопосредованной близости к престолу, вмещает в себя, все изображения нижнего яруса, распространённые за пределы алтарной части, окружающие и молящихся мирским чином, включающие и нас в чин предстоящих, внутрь образного моления – как бы живую часть образного Деисиса. Так видится верным воспринимать эту объёмную пространственную икону, в центре которой, на уровне наших глаз, устремлённых к престолу – Сам Христос – Пантократор... и свет – образ Его Божественного естества, преподаваемого в таинстве... и Пантократор нисходящий - над нами столь удалён и столь близок. В окружении и сослужении ангельских чинов - чин Богосыновства в небесной области светового барабана. В предстоянии Пантократору на престоле, в окружении святителей и святых – народ Божий, - единосердечное, единомысленное, едиными усты исповедывающее, - единым телом предстоящая к восприятию Бога – Церковь, вмещающая каждого отдельного, разрозненного в предстоянии человека. Вот так литургия Небесная, трансформирована, преобразована образом в литургию земную, восполненную значениями смыслов деисиса, - вмещает в себя земную евхаристию и предстоящих. Такие вот Богословские идеи, сопряжённые с художественно-композиционными новациями и находками, вновь обрётёнными значениями образа – выявляются при внимательном рассматривании и вмысливании в этот дивный мир изображений мастера Феофана... на фоне и в следствии череды рассмотренных вариантов устройства образа в православном храме.

Столь неуместимо - высок образ... на пределе соединённости и приближенности неба к земле, на пределе откровения человеком самого себя к приятию Бога. Образ практически вибрирует, живо-трепещет на самой грани этих пространств и смыслов, резонирующей, посредствующей мембраной меж видимым и невидимым, между познаваемым и непреступным. Повторимся, литургия не удалена от нас, не вознесена от нас в образно недостижимое пространство купола... но предъявлена нам образом и приближена к нам настолько, насколько это вообще возможно. Приближена настолько в образе своём,

что вслед за этой близостью в нестерпимой приближенности - Сам Бог, входящий в нас в таинстве проникновения и присоединения нас к Царствию Небесному, - в таинстве причащения человеческого естества в нас - к естеству Бога вочеловечившего и вочеловечивающего Ся по неизреченной Своей милостивой благодати.

Примеры, избранные нами к рассмотрению из различных времён и пространств, зачастую совсем не связанных ничем кроме собственно православной литургии, нарочито избраны из множества вариантов пространственно - композиционных устроений, которые нам представляются близкими, дополняющими друг друга. Неисчислимы варианты художественно-композиционного устроения храмового убранства и едва ли имела бы смысл сама постановка задачи некоей сравнительной классификации пространственных программ, прослеживание всех возможных нюансов. Каждый храм самобытен и замечателен, образное пространство в нём по-своему уникально и неповторимо, каждое – достойно внимательного, бережного и проникновенного осознания и настроено, прежде всего, на молитву... на литургию, на причащение, - эту настроенность в меру благодатной помощи, сил, таланта и авторского мастерства к выражению - сообщает нам образ в окружении, в обрамлении литургии совершаемой нами.

Обобщение высказываниям

Усиливаясь завершить начатый нами очерк... он мог бы развиваться и множиться, преодолевая границы возможного в словесном выражении впечатлений и мыслей о рассматриваемых образах... мы видим перед собой неисчерпаемость принятой темы размышлений, невозможность внятными структурным повествованием вместить неоглядную разнообразность в единую описательную структуру с выявлением некоей типологии пространственного образа в храме. Описательное слово – плетётся вослед видимому многообразию и обессиливается в восхищении, раболепствует перед несопоставимостью видимого и разумемого. Многообразие не вмещается в типологическую структуру, - логике не одолеть, не укоротить – не укротить живого образа, пытаюсь вместить его в некое правило, либо сформировать это правило под стать образному, скажем так, многоцветию... Не вместить разнообразия образа в некую умозрительную схему – закон его устроения... не вместить, не погубив его, либо, скорее, не изувечив своего разума... либо не извратил образа навязыванием ему внешней умозрительной схемы. Вот и усилимся завершить начатое, не пытаюсь выстраивать типологий образному устроению. Лишь на собственный вкус полагаясь – можем судить о степени и высоте соответствия некоторых примеров образа его назначению – устроения зримой структуры литургии, образного объёма, вмещающего и сопровождающего таинство взаимного проникновения, соединения человека и Бога. Усиливаясь завершить начатый очерк, который стал из задуманного краткого столь расширенным и грузным, станем ли суммировать, синтезируя рассмотренное здесь, станем ли теперь выносить общее суждение о закономерностях устроения образной структуры в храме... пусть бы и по отдельной малой его части – по восточной оси сюжетов от купола к алтарю... пусть бы и об одной только композиции «Причащения апостолов» в контексте развития целостной структуры образа в литургическом пространстве.

Очерк замысливался с тем лишь, чтобы нам уяснить себе, восполнить в своём понимании, воображении, возможном личном проникновении – возместить утраты, которые с такой досадой и болью мы – видим во фресковом космосе Спасо-

Преображенского собора на Ильинской улице в Новгороде... Мы размышляли там, детально рассматривая живопись купола и светового барабана. Потрясает и увлекает, вовлекает вдохновляя, проникновенно впечатляет до глубин естества – образная высота в живописи исихастириона – Троицкого предела... и подавляют обширнейшие утраты живописных пространств центральной части храма. К тому ли, чтобы восполнить эти утраты общим пониманием возможного... как приношение некоего уврачевания к собственной боли о невосполнимом... к тому ли, чтобы высвободить некий простор к нашему воображению и творческой фантазии, к творческому домысливанию... - затеяли мы эту столь расширившуюся статью...

Как видится, столь обширное рассмотрение череды образных пространств не прибавило нам ничего к осознанию утраченного в живописи Феофана Гречанина. Каждый из рассмотренных пространственных образов, по сути реализует одну и ту же задачу – сопровождения литургии, вмещения таинства в образ без умаления вмещаемого, - к выявлению таинственного, к преподнесению приоткрываемого Бога – нам в обрамлении, в бережных и чутких, тонких и тёплых объятиях – вместилищах образа... задача эта решается в каждом рассмотренном нами случае совершенно по-разному. Казалось бы, существуют, очевидны и общеприняты общие законы устройства образа, как вместилища неместимому Богу... и так хочется проследить, осознать их, выявить в своём разумении некий упорядоченный принцип устройства образа в пространстве. Уясняем же самые лишь самые общие принципы и закономерности: неотъемлемую необходимость изображения в куполе Бога воплощённого и предвечного... решение обязательной задачи формирования целостного образного пространства через выстраивание строгой логики взаимосвязанности и взаимозависимости развития композиций... особенную роль выбора последовательности изображений по центральным вертикальным восточно-западным осям в архитектурном объёме храма, собирающим образ в целостную пространственную структуру.

Преимущественно используемые сюжеты в их логической взаимосвязи, становящейся буквально очевидной... во взаимозависимости, налитанности друг от друга... в каждом отдельном случае - выстраиваются в выверенные закономерности, кристаллизующие образное пространство, выстраиваемое целостный образный объём храма. Восточная ось – собирает собою смыслы, обустривает действенную образную смысловую вертикаль от купола к престолу литургии, совершающейся на наших глазах. И вертикаль эта не есть некая линия, нить, последовательность смыслов, но некое пространство, обращённое, открытое, распахнутое к сторонам света и к нам самим... обращённое извне – в глубину нашего сердца... и вместе с тем – проявляющегося из глубины нашего соборного и личного моления, как со-чувствие, как соучастие, как во-ображение – в этот пространственный образ, которому сочувственно со-образуемся внутри литургии, во-ображаемы в него... а точнее – во-ображаемы им и настраиваемы им на литургическое тайнодействие... Мы со-зерцаем образ, - «зерцаем» вместе с ним, проблескивая... отражая друг-друга... приуготовливаемся к приближению Невместимого и Внеобразного Первообраза... таинственно проникающего и вмещающего Себя в наше естество.

Вот и всё, что можно бы, обобщая, - по существу - высказать, рассмотрев достаточно многое. Желательно бы использовать и иные примеры к рассмотрению, мы не прекращаем наших счастливых занятий и трудов к этому... понимая, что ничего, кроме новых и самостоятельных, интересных и впечатляющих нас откровений образом не обретём в этих трудах и сопоставлениях... не выявим никаких общих законов, довлеющих над

свободой образотворения, связывающих человеческое творчество внутри литургии. Каноничность икононого творчества есть - свобода внутри тайнодействия, Богоданная свобода внутри стремления к постижению и выражению Бога – Истины... свобода внутри внимания к нисходящему Богу, уже присутствующему столь близко к нам, буквально дышащего образом в наши лица... свобода – в устремлении молитвенного сердца к Нисходящему... свобода во взаимном устремлении, динамичном духовном движении Бога и человека перед Ним, вблизи Него... даже и в кажущейся удалённости перед непроницаемой гранью непознаваемости Бога... такая свобода, обретающая себя в образном пространстве – есть искомая нами и чаемая к разумению, к нескончаемому радостному обретению - каноничность. Именно в обретаемом опыте рассмотрения образа мы можем получить некоторое общее представление о каноне, каноничности, о том, как место встречи и таинственного взаимного проникновения Бога и человека может быть обустроено и художественно наполнено - выражено средствами живописи... о том, как выстраивается образом символическое пространство взаимного познания, какое место в нём займёт тот или иной иконный сюжет, образная грань в пространстве литургии... какие новшества в образотворении обретёт и позволит себе мастер не для того, чтобы отступить в самобытность от какого-то данного ему внешнего закона творчеству, не для того, чтобы выпрыгнуть, высвободиться из пут образца и авторитета... но выражая лишь только своё – неугасимое пред Господом - личное молитвенное горение... В такой пылающей о Господе, пред Господом каноничности – воистину творит мастер... творит образотворец, создатель и устроитель иконографической системы, программы, способа отображения, передачи, распространения молитвенного тепла... и вернее бы сказать куда проще – живописует, создаёт живой художественно – молитвенный образ. Индивидуальность, уникальность иконографической структуры в пространстве храма – не есть нечто внешнее, но выверенный и распознаваемый нами теперь естественный остов, корневая основа образа живущего, дышащего благодатно... образа, как метода выявления личного молитвенного тепла, вмещающего литургию и приуготовленного к восприятию таинства... тонко и чутко настроенного к выявлению живым письмом личного опыта сердечного молитвенного сочувствия и трепетания перед Неизобразимым, Невообразимым, Невмещаемым... - Входящим в приступающих к Нему.

Как нет людей идентичных при возможной схожести личных свойств и качеств, нет абсолютно схожих лиц, голосовых интонаций – также не может быть схожести абсолютной в обустроенных образах... так же неприемлемо образотворчество по неким мертвящим лекалам, по обуславливающим законам, оправдывающим себя некоей ложной каноничностью, умерщвляющей свободу... многообразны образы Божии в человеках – и в этом же многообразии – Единый Христос... В доме Отца обителей много, не счесть обителей этих, - столь же разнятся образные устройства хамов, разнятся, казалось бы, до несовместимости, до противоположности... - и Един Христос литургии, совершаемой в них, в мистическом теле Его. Неверно, нелепо, чуждо самой живости художественного письма - копировать образ, использовать копии, как образцы к новому образу в надежде оживить его. Впрочем, Дух дышит как соизволительно Ему и силен оживить созданное внеобразным, рождённое мёртвым... по немощи нашей, по дивному снисхождению к нашим утратам...

Но справедливо и другое. По мере того, как отпадает человек от Бога живого, перестаёт сочувствовать Ему, желать Его, веровать Ему, ответно и жарко полыхать перед Ним дарованным огнём, умноженным и творчески разожжённым, распространённым

внутри и вокруг... перестаёт отвечать несомненному зову воскуренной молитвой перед Творцом... по мере угасания молитвенного горения и проникновения – мельчает образ, увлекается во вне-образии техники, дробной и навязчивой дидактики, в иллюстративность, декоративность, подражательство... в нагромождение смыслов, зачастую вторичных, либо излишне и неоправданно скрытых... порою и не имеющих никакого отношения к литургии в образе... Порою смыслы принятые и преподанные изображениями лишь формально и уже вне-образно – свидетельствуют о некоей глубине в формальной точности следования тексту Писания, Богослужебному тексту... так образ может исчерпывать себя и неисчетны печальные примеры подобного. Не таков образ истинный, не такова высота его, не вторична тексту Писаний, не подражательна делам человеческих рук.

На нескольких приведённых примерах, рассмотренных вкратце, как надеемся, нам удалось хоть бы отчасти почувствовать это. Превыше наших сил сравнение рассмотренного, да и возможно ли это сопоставление несопоставимого... как сравнивать лица людей, текущих навстречу, - бесчисленны различия, отличия... и Един Христос – Первообраз - в каждом. Но настроимся же на те образы, что ближе нам и отзываются в нашем сердце, благодарственно – приникнем к ним в неотступной надежде - через них приблизиться к личному Богу, взирающему на нас с той стороны всякого образа, посредствующего между нами.

Сумеет ли мы теперь, кратко рассмотрев столь разнообразное, – помыслить о том, что мы смеем говорить о большем понимании, проникновении в образ Феофана Грека... Смеем ли мы теперь возмыслить о возможности представлениями о стороннем – как-то восполнить видимые и доминирующие утраты... едва ли так. Образотворец Феофан – свободен, как сын Божий, свободен истинно. И образцы живописного воплощения этой свободы, малые фрагменты её - удаётся рассмотреть нам, словно крупички рассеянных, нерастраченных даров, обращённых к нам... Быть может, лишь уверение наше, осознание свободы мастера и свободы молитвенного соучастия – ответа перед образом на высотах православного иконосоздания – и есть единственный результат нашего труда в этом очерке об иных образных пространствах, отчасти созвучных и согласных с иконными творениями Феофана.